

ХРОНОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОГО АРТИКЛЯ

Д. ЧЕБЯЛИС

На всех этапах существования языка функция обиходно-бытового общения выступает как наиболее существенная, первичная однако в разных конкретно-исторических условиях она проявляется неравномерно и выполняется разными компонентами языка. Старофранцузский язык является порождением именно функции обиходно-бытового общения, его же проявление в виде старофранцузских памятников может оцениваться как письменное осуществление разговорной речи и отражение литературной традиции латинского средневековья.

Если богатая латинская письменность старофранцузского периода служила примером для создания памятников на вульгарном языке, и первые такие попытки могут считаться пересказом или переложением латинских прообразов, то их влияние определяется прежде всего подбором сюжета, затем, что имело место уже в гораздо меньшей мере, некоторым родством структуры предложения на народном языке; влияние же латинского грамматического строя на основные грамматические сегменты старофранцузского языка в этот период было сведено на нет. Таким образом, внутренняя структура именной и глагольной синтагмы — подлинно старофранцузская, так как зародилась и сформировалась под непосредственным влиянием живой разговорной речи. В основу формирования структуры старофранцузского предложения легла грамматическая структура основных сегментов, поскольку они в своем развитии оказались настолько далеко ушедшими от параллельных сегментов латинского предложения, что могли послужить базой для синтаксического строя нового языка.

Грамматическая структура именной синтагмы зародилась в вульгарной латыни на территории Галлии. В период старофранцузского выявились две возможные структуры именной синтагмы: без детерминативов и с детерминативами. Вариант без детерминативов постепенно исчезает, а вариант с детерминативами становится обязательным и вырабатывает обобщенную форму детерминатива — артикль. Этот обобщенный детерминатив потерял какое-либо лексическое значение и стал указателем на двойную отнесенность существительного: 1) общекоммуникативную, проецирующую соотношение существительного, которое вводится в речь, с коммуникативными целями говорящего субъекта и рецептора, и 2) строго грамматическую, проецирующую функцию именной синтагмы в предложении и устанавливающую ее формальные контуры.

Грамматическая категория обобщенного детерминатива в старофранцузском языке оказалась неоднородной, и картина ее становления представляет собой сложное переплетение различных вариантов именной установки с IX по XVI вв. Хронологию обобщенного детерминатива можно установить двумя методами. Во-первых, строго эмпирическим путем может быть совершенно точно определено появление во времени каждого элемента из обобщенных детерминативов в отдельности. Однако такая констатация еще не может свидетельствовать о том, что данный элемент уже является неотъемлемой частью грамматической системы языка. Во-вторых, системность грамматического строя основывается не на спорадическом появлении тех или иных элементов, а на закономерном их функционировании в процессе коммуникации, которое требует определенной формы для грамматического элемента, с одной стороны, и четкой установленной роли остальных элементов, с другой. Четкость этой роли составляет содержание грамматической функции, а оба этих аспекта вместе составляют грамматическую функцию данного элемента в системе языка. Следовательно, полноценное функционирование грамматического элемента может служить основой для установления его хронологии.

Самые первые памятники старофранцузского языка, начиная с *Eulalie*, свидетельствуют о том, что одноформенная установка именной синтагмы в латыни (установка с местоименными детерминативами определялась на уровне стилистики) разделилась на две, грамматизованные в равной степени, — без детерминативов и с детерминативами. Местоименный детерминатив (демонстратив, посессив, индефинит и условно квантор) в установке с детерминативами является наиболее близким по своей функции к латинскому языку, однако он не является тождественным латинским местоименным детерминативам. Если в латинском его функционирование определялось исключительно потребностями стилистики или самой коммуникации, то в старофранцузском языке он превратился также в актуализатор существительного. Однако и в этом случае такое функционирование всегда имеет определенное соотношение с содержанием коммуникации, что наглядно отражается в грамматической форме трех основных именных синтагм. В функции субъекта и объекта местоименные детерминативы наблюдаются в самых первых памятниках, между тем как в функции обстоятельства они появляются лишь в конце X в. в *Passion*, так как обстоятельство является, по-видимому, менее связанным с лексическим содержанием местоименных детерминативов в процессе коммуникации, чем субъект и объект. Большая степень грамматизации местоименного детерминатива в старофранцузском языке служит как бы переходом к образованию установки с детерминативами, центром которой является артикль.

Развитие артикля протекало далеко не равномерно в период старофранцузского и среднефранцузского языка, поэтому его хронология представляет собой довольно неровную ломаную линию. Первичным и основным членом группы артиклей является форма *le*, которая функционирует в синтагмах субъекта и объекта уже во втором по времени памятнике — *Eulalie* (880 г.). Та же картина наблюдается в *Mystère* и *Jonas* до середины X в. Обе формы артикля начинают функционировать во всех основных синтагмах существительного лишь с конца X в., начиная с *Passion*.

Форме *le* свойственны функции индивидуализации и обобщения, которые достаточно четко выражаются во всех синтагмах, природа формы *un* также двойственна: неся черты числительного, она тяготеет к конкретности, к соотношению с классом однородных предметов, а местоименное происхождение указывает также и на обобщение. Уже в первом примере *ad una spede* (Eulalie) наряду с конкретизацией в форме артикля можно усмотреть обобщение. Обе формы артикля *le* и *un* сходятся в силу их обобщающей характеристики, которую они распространяют на вводимую ими синтагму. Способность обобщать является конечной чертой в развитии артикля, поэтому момент, когда обе формы артикля получают основную грамматическую характеристику и способность осуществить ее в любой синтаксической функции, наверняка означает окончательное утверждение артикля в системе старофранцузского имени.

Таким образом, с конца X в. в ряду детерминативов артикль образует вполне сформировавшееся противопоставление синтагмам без детерминативов, получившее полную реализацию сначала лишь в единственном числе. Однако развитие именной системы старофранцузского языка шло к логическому завершению, поэтому наличие форм множественного числа *les* вызвало появление форм *uns*, *unes*. Первый пример их употребления относится к концу XI в. — *a unes forz estaches* (Pèlerinage 761) в функции обстоятельства, также как и первый пример артикля *un* в единственном числе. Следует полагать, что такое совпадение не случайно. Обстоятельство может считаться, по-видимому, тем речевым сегментом, в котором происходит сдвиг от конкретного к обобщенному. Период с конца X по XI вв. включительно является тем моментом, когда все потенциальные возможности системы детерминативов оказываются реализованными в старофранцузском языке.

О том, что XI в. является поворотным пунктом во времени для становления системы детерминативов и определения их роли в именной синтагме старофранцузского языка, свидетельствует еще и образование именно в этот период множественного числа для партитивного артикля *des*. Таким образом, все возможности развития языковой формы в системе старофранцузских детерминативов были исчерпаны до конца. (Первые примеры партитивного артикля в единственном числе встречаются в середине XI в. в Alexis, например, строка 251, а первые примеры множественного числа в конце XI в. в Roland, например, строки 2345–2347, и в Pèlerinage, например, строка 181.)

Однако развитие языковой формы, каким бы логически последовательным оно ни было, всегда зависит от развития всего грамматического строя в целом и от семантики лексических единиц, которые облакаются в данную форму. В указанных выше примерах синтагмы с партитивным артиклем в обоих числах находятся в одинаковых синтаксических функциях, преимущественно являясь объектами, и лишь в примере из Roland выступает субъект. Структура *de* + N вполне естественно предполагала форму косвенного падежа для существительного и, следовательно, такую же форму для артикля. Таким образом, грамматическая природа структуры *de* + N предполагала функцию объекта. В процессе формирования старофранцузского имени распад системы склонения начался в нормандском диалекте уже в XII в., поэтому появление партитивной синтагмы, имеющей форму косвенного падежа в функции субъекта, было вполне возможным уже в Roland.

В период XIV – XV вв. партитивный артикль единственного числа появляется в функциях именной части сказуемого и субъекта в безличных конструкциях, т.е. в тех предложениях, структура которых исключает противопоставление *cas sujet/cas régime*. Последний факт совпадает с исчезновением двухпадежного склонения, которое происходило также в XIV в. Следовательно, ограничения, налагаемые возможностями грамматического строя на функционирование партитивного артикля, исчезают, и поэтому артикль *du, de la* встречается во всех синтаксических функциях.

Форма множественного числа *des* в ограниченном количестве продолжает появляться в функции субъекта в конце XII и начале XIII вв. (Villehardouin 171; Feuillée 426–427; Joinville 92); более многочисленной она становится лишь в более поздние эпохи в XV, XVI и XVII вв. (Jehan, Montaigne, Aubigné). Исчезновение в XIV в. ограничений, наложенных развитием всей именной системы в целом на формы партитивного артикля единственного и множественного числа, позволяет им выйти за пределы безличных конструкций и функционировать в любых грамматических условиях.

Окончательным утверждением грамматической формы в системе языка можно считать тот момент, когда она начинает выполнять свои функции независимо от грамматических условий, выявляя тем самым разницу, образовавшуюся между формами единственного и множественного числа партитивного артикля и созданную в результате развития не только грамматической формы. Между не отмечено ни одного примера форм *du, de la* в синтагмах с предлогами, между тем как форма *des* в XVI в. начинает функционировать в синтагмах с предлогами: *sous des monceaux de fer* (Régnier, I, 12), *par des sauvages loix* (Régnier IV, 37). В приведенных примерах форма *des* функционирует как коррелят множественного числа для форм *uns, unes* и любой оттенок партитивности должен считаться вовсе несуществующим, именно поэтому форма *des* могла заменить формы *uns, unes*. Эта замена, начало которой было положено уже в XV в., была окончательно осуществлена в XVI в.

Однако жизнь отдельной грамматической формы определяется не только развитием всего грамматического строя в целом, но и семантикой тех лексических единиц, которые функционируют под этой формой. Функционирование форм *du, de la* было ограничено с самого начала семантикой существительных, которые выражали понятие аморфности. Однородность конструкции „аморфные существительные + партитивность“ получила грамматическое выражение в форме единственного числа. Чередование форм *du, de la* и *des* в одном ряду тождественных синтаксических функций, наблюдаемое во французском языке в период с XI по XV вв., окончательно исчезает к XVI в. Начало XV в. может считаться тем моментом, когда понятие партитивности получает четкие грамматические и семантические контуры в старофранцузском языке, окончательный же переход форм *du, de la* в разряд артикля *un* совершается к концу XV и в XVI вв.

Начало XV в. также знаменует разрыв между формой *des* и специфическим грамматическим выражением идеи партитивности. Функционирование форм множественного числа *uns, unes* было весьма ограниченным, ибо этому препятствовала семантическая и грамматическая природа этой формы. Появление форм *uns, unes* в начале XVI в. у Рабле в функции субъекта означала вместе с тем их полное исчезновение. Их место занимает форма *des*, которая

к этому времени уже выполняет свои функции в синтагмах с предлогами, т.е. становится независимой в своем функционировании от грамматических условий. Таким образом, форма единственного числа *un* получает коррелят множественного числа в форме *des*. Следовательно, в XV и начале XVI вв. артикль *un* завершает развитие: формы единственного числа *un*, *une* и множественного *des* не имеют каких-либо грамматических или семантических ограничений, а формы *du*, *de la* ограничены семантикой существительных и единственным числом, но функционируют в любой синтаксической функции.

В старофранцузском языке с конца X в. (*Passion*) установка существительного получает три возможности реализации в речевом потоке: без детерминативов, с местоименным детерминативом и с артиклем. Последняя, в свою очередь, распадается на установку с *le* и на установку с *un*. Установка без детерминативов сохраняет свой довольно значительный удельный вес до конца XVI в. в синтагмах объекта. Установка с местоименными детерминативами в тех же синтагмах уменьшается количественно в XIV и XVI вв. по сравнению с X и XI вв., так как за ней закрепляется специфическая роль, состоящая в указании на семантические связи именных синтагм с контекстом. Господствующим элементом в синтагмах объекта в процессе формирования их синтаксической установки в XIV и XVI вв. достаточно четко выступает артикль *le*. Следовательно, именная установка без детерминативов к началу XVI в. занимала еще довольно значительное положение в синтагмах объекта и обстоятельства.

К этому же времени грамматическая форма в синтагмах субъекта приобретает гораздо более четкие контуры. Установка без детерминативов близится к исчезновению, установка с местоименными детерминативами не проявляет больших колебаний в период IX—XVI вв. Синтагма субъекта обладает, очевидно, гораздо большей самостоятельностью с семантической точки зрения, но вместе с тем она не меньше других нуждается в указании на соотносительность с ситуацией, поэтому ее грамматическая форма стремится к предельно четким контурам, что приводит к исчезновению грамматической установки без детерминативов и к возрастанию артикля.

Таким образом, в XIV—XVI вв. в синтагме субъекта установка с артиклем *le* получает абсолютное преобладание над другими установками. Артикль *un* в синтагмах субъекта, как и в синтагмах объекта, до самого конца XVI в. выдерживает примерно одинаковое положение, следовательно, исчезновение установки без детерминативов обусловлено развитием не артикля *un*, а артикля *le* и ограничением местоименного детерминатива строго семантическими целями. Развитие грамматической формы синтагмы субъекта, выраженного существительным, позволяет полагать, что к XVII в. намечалось дальнейшее развитие именной установки с детерминативами, стремящейся стать единственной возможностью для функционирования существительного, и одновременно полный отход установки без детерминативов.

Итак, на основе анализа функционирования основных синтагм существительного можно сделать вывод, что главным элементом, создающим четкость грамматической формы в именных синтагмах, является детерминатив. В старофранцузском языке образовался обобщенный тип детерминатива, получивший название артикля. Обе формы артикля, появившиеся в конце IX в. (*Eulalie*), прошли неодинаковый путь развития. Форма *le* с самого начала име-

ла свой коррелят — форму *in*, которая была лишена всех оттенков, свойственных местоименным детерминативам, но сохраняла способность обращать на себя внимание слушающего и таким образом вводить новые элементы в информацию. К концу X в. обе эти формы функционируют во всех именных синтагмах на основе общего признака обобщенной отнесенности. В конце XI в. оба артикля употребляются в морфологической и синтаксической системе старофранцузского языка в полном соответствии всем их возможностям.

В XI в. создается специфическая форма артикля *du, de la*, ограничивающая сферу своего функционирования при аморфных существительных. В XV и в начале XVI вв. полностью устанавливается функционирование артиклей *in* и *du, de la*. Артикль *le* становится абсолютно господствующим в синтагме субъекта и неоспоримо доминирующим в остальных синтагмах существительного, постоянно и необратимо занимая все позиции исчезающей установки без детерминативов, за которой в будущем закрепляется специфика именной установки, полностью лишенной всякой дифференциации и грамматической соотнесенности.

СОКРАЩЕНИЯ

- Alexis — Rohlf's G. Sankt Alexius. Altfranzösische Legendendichtung des 11 Jahrhunderts. Max Niemeyer Verlag, Halle 1950. — In: Sammlung romanischer Übungstexte, Nr. 15.
- Aubigné — Agrippa d'Aubigné. Les Tragiques. Édition critique avec introduction et commentaire par A. Garnier et J. Plattard. Paris, 1932 (STFM).
- Eulalie — In: Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. II. 4e Auflage. Leipzig, 1920.
- Feuillée — Adam Le Bossu. Trouvère artésien du XIIIe siècle. Le Jeu de la Feuillée, édité par Ernest Langlois. Paris, 1923 (CFMA).
- Jehan — Le roman de Jehan de Paris, publié d'après les manuscrits par Edith Wicherscheimer. Paris, 1923 (SATF).
- Joinville — Histoire de Saint Louis par N. de Wailly. 12e éditions, Paris, s. a.
- Ionas — In: Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. I—II, 4e Auflage. Leipzig, 1920.
- Montaigne — Essais, texte établi et annoté par Albert Thibaudet. Paris, 1937 (Bibliothèque de la Pléiade).
- Mystère — Mystère de l'Époux. — In: Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. I—II, 4e Auflage, Leipzig, 1920.
- Passion — Passion du Christ. — In: Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. I—II, 4e Auflage, Leipzig, 1920.
- Pèlerinage — Karls des Großen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranzösisches Heldengedicht hrsg. von E. Koschwitz und G. Thureau. — In: Altfr. Bibliothek. Bd. 2, 6e Auflage, Leipzig, 1913.
- Régnier — Mathurin Régnier. Oeuvres complètes, texte établi et présenté par Jean Plattard. Paris, 1930 (STFM).
- Roland — La chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier. 124e édition. Paris.
- Villehardouin — Geoffroi de Villehardouin. La Conquête de Constantinople. Éd. et trad. par Edmond Faral, t. 1—2. Paris, Les Belles-lettres, 1938—1939.

LA CHRONOLOGIE DE L'ARTICLE FRANÇAIS

D. ĆEBELIS

R é s u m é

La chronologie de l'article en ancien français peut être établie d'après deux critères. 1° par la voie strictement empirique on définit le moment exact dans l'apparition de chaque forme de l'article. Mais une telle constatation ne témoigne pas encore que l'article soit devenu l'élément inséparable de tout le système de la langue. 2° Le caractère systématique d'une langue n'est pas basé sur l'apparition sporadique d'un élément, mais sur la régularité de son fonctionnement dans le processus de la communication qui d'une part, exige une forme déterminée pour l'élément grammatical et, d'autre, un rôle explicitement indiqué pour les autres éléments. Ces critères permettent de préciser le processus de la formation du système de l'article en ancien français.